

Наследие пешла

Дана Грей

Наследие пепла

<https://litres.ru/74250379>

SelfPub; 2026

Аннотация

История — о тяжёлом выборе и его последствиях, о страхе перед переменами, о поиске равновесия и надежде на искупление: Лилит учится управлять своей силой, а Эштан продолжает искать ответы, терзаемый виной и влечением к Лилит.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	25
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дана Грей

Наследие пепла

Глава 1

Меня зовут Эштан. Эштан Бренгайд. Много лет назад, в 1615 году, когда мне едва исполнилось пять, я увидел её. Темной ночью, в окне, предстала девушка невиданной красоты. Её образ навсегда врезался в мою память: её рыжие волосы, словно языки пламени, обрамляли лицо, а ярко-голубые глаза, глубокие, как горные озёра, таили в себе древнюю мудрость и озорной блеск. Взгляд её мог быть пронзительным, способным видеть сквозь завесы иллюзий, или же мягким, полным сочувствия к любому живому существу.

Иногда, когда она смеялась, её волосы казались ещё ярче, а глаза искрились, словно в них отражались тысячи звёзд. В такие моменты она была похожа на дикую лесную фею, полную неукротимой энергии и жизнелюбия. Но стоило ей задуматься, как в глубине её голубых глаз появлялась тень, выдающая тяжесть знаний, которые она несла, и бремя ответственности, лежащее на её юных плечах.

Её кожа, бледная и нежная, контрастировала с огненной гривой, подчёркивая необычность её облика. На щеках иногда проступал лёгкий румянец, когда она была смущена или

разгневана, но чаще всего её лицо сохраняло спокойное, почти отрешённое выражение, словно она постоянно прислушивалась к шёпоту ветра или голосам древних духов.

Именно эти глаза, то сияющие, то задумчивые, были зеркалом её души — души, полной противоречий, но неизменно стремящейся к свету, даже если путь к нему лежал через самые тёмные чащи.

Эти глаза я видел в последний раз сквозь пламя. Она была ведьмой. И той, с кем я провел большую часть жизни, с пяти до двадцати лет. Но долг моей семьи, перешедший ко мне, требовал истребления ведьм. В один день это и свершилось.

Отец тяжело опустил на дубовый стол тяжелый, обмотанный кожей меч. Звук удара отозвался в тишине избы, как погребальный звон. Его лицо, изрезанное шрамами и временем, казалось высеченным из серого камня.

— Ты путаешь милосердие с безумием, мальчик, — голос отца был сух, как осенняя листва. — Она не дева, что ждет тебя у ручья. Она — язва на теле наших земель. Ты видел, как сохнет скот в ее округе? Как птицы падают замертво, едва коснувшись крылом ее крыши?

Сын сжал кулаки так, что побелели костяшки. Он стоял, загораживая собой выход, чувствуя, как дрожат колени, но не от страха перед отцом, а от ярости, которую он не смел выплеснуть.

— Это ложь, отец! — выкрикнул он, и голос его сорвался на хрип. — Она лечит травами, когда у людей нет денег на

лекаря. Она знает то, чего не знают ваши попы, потому что она смотрит на мир глазами, а не догмами! Она... она спасла меня, когда я тонул в болоте, пока вы все пировали в замке!

Отец медленно поднялся. Его тень накрыла сына, словно саван. Он подошел вплотную, и от него пахло сталью, гарью и холодной решимостью.

— Ты говоришь о спасении, а я говорю о долге. Наш род веками очищал этот лес от скверны. Твой дед держал факел, когда горели их гнезда, и мой отец делал то же самое. Ты — кровь от крови моей. Ты не можешь быть тем, кто пригрел змею на груди.

— Я люблю ее, — прошептал сын, и в этом признании было больше отчаяния, чем надежды. — Если ты убьешь ее, ты убьешь и меня.

Отец на мгновение замер. В его глазах на долю секунды промелькнуло что-то похожее на боль, но тут же сменилось ледяным спокойствием. Он протянул руку и с силой сжал плечо сына, заставляя того поморщиться.

— Любовь — это роскошь, которую мы не можем себе позволить. Ты хочешь доказать, что ты мужчина? Возьми сталь. Докажи, что ты достоин носить наше имя. Или завтра на рассвете, когда мы придем к ее порогу, я сам вложу тебе в руку факел. И если твоя рука дрогнет... ты пойдешь на костер вместе с ней.

Сын поднял глаза. Он искал в лице отца хоть каплю сострадания, хоть намек на то, что это лишь проверка, жесто-

кая игра. Но там была лишь пустота — бездонная, как колодец, в котором тонут надежды.

Отец развернулся и направился к выходу. У порога он остановился, не оборачиваясь:

— Завтра, на рассвете. Не заставляй меня разочаровываться в тебе дважды.

Дверь с тяжелым скрипом закрылась, отрезая путь к отступлению. Сын остался один в полумраке. Он посмотрел на меч, лежащий на столе. Холодный металл тускло отсвечивал в лунном свете, пробивающемся сквозь щели в ставнях. Он знал, что проиграл. Он знал, что завтра, когда солнце коснется верхушек сосен, он либо предаст единственное светлое чувство в своей жизни, либо станет пеплом вместе с той, чье имя боялся произнести вслух.

Он подошел к столу, его пальцы коснулись рукояти. Она была ледяной, как сама смерть, которая уже ждала их обоих. Я сжёг её, но глаза...

В них мелькнула искра, словно она играла со мной. С того момента начались странности.

Прошло пять лет, а я ни капли не изменился — даже помолодел. Все раны, которые я получал, исчезали уже через сутки, будто их и не было. Что это? Сон? Если бы это был сон, я бы давно проснулся, но нет — это реальность, и эти странности происходят со мной. Чёрт, как избавиться от этого? Есть вариант, но я не уверен...

Возможно, та искра в её глазах — не просто игра, а про-

клятие или дар. Может, я стал частью её мира, связанной с ней навеки. Если так, то чтобы освободиться, придётся пойти на крайние меры. Но что именно? И стоит ли платить такую цену?

Каждую ночь я слышу шёпот, словно она зовёт меня обратно. Я пытаюсь сопротивляться, но с каждым днём становится всё труднее. В глубине души я понимаю — это не просто ведьма, а нечто большее. И моя судьба теперь переплетена с её. Навсегда.

Я должен найти ответ, прежде чем потеряю себя окончательно.

Сон стал моим проводником. Засыпая, я уже не просто слышал шепот, но и видел его: тропа, манящая к дому, залитому теплым, ласковым светом. Пробуждение приносило лишь новую волну решимости. Я тут же отправлялся в путь, ведомый неуловимым зовом, в поисках той самой тропы, того дома и той, что шептала мне во сне

Каждый шаг наяву был эхом шага во сне, каждый поворот дороги — предвкушением встречи с неизведанным. Я чувствовал, как грань между реальностью и видениями истончается, и это пугало, но одновременно и притягивало. Шепот становился громче, обретая форму, словно невидимая нить тянула меня вперед, обещая разгадку, но требуя полной отдачи. Я знал, что пути назад нет, только вперед, к дому, к свету, к той, что ждала.

Мои дни превратились в бесконечный поиск, а ночи — в

предвкушение. Я жил от сна до сна, от пробуждения до нового шага в неизвестность. Голод, усталость, страх – все это отступало перед навязчивой идеей, перед зовом, который теперь звучал не только в голове, но и, казалось, исходил от самой земли под ногами. Каждый куст, каждое дерево, каждый камень на пути могли быть частью той тропы, того сна. Я изучал их, пытаюсь найти знакомые очертания, отголоски виденного. Люди, которых я встречал, казались тенями, их слова – бессмысленным шумом.

Мой мир сузился до одной цели, одной одержимости.

Я чувствовал, как моя прежняя личность растворяется, уступая место чему-то новому, чему-то, что формировалось под влиянием этого шепота и этого дома. Иногда я останавливался, чтобы прислушаться к тишине, пытаюсь уловить нечто большее, чем просто звук ветра или шелест листьев. И тогда, в этой тишине, я слышал ее смех – тихий, мелодичный, обещающий и опасность, и спасение. Я знал, что приближаюсь. Воздух вокруг меня стал плотнее, запахи – острее, цвета – ярче. Я чувствовал ее присутствие, ее ожидание. И хотя страх все еще цеплялся за меня, он был заглушен неистовым желанием наконец-то увидеть, наконец-то понять, наконец-то найти.

Её звали Лилит. Имя, которое я произносил шепотом, когда мы были одни, и которое теперь стало клеймом на моей душе. Двадцать два года – целая жизнь, сотканная из её смеха, её прикосновений, её тайн, которые она доверяла только

мне. Я знал, что она другая, но никогда не видел в ней угрозы. Видел лишь свет, который освещал мою жизнь, даже в самые мрачные времена.

Но мир, в котором я родился, не знал полутонов. Он требовал черно-белых решений, и моя семья, хранители древних традиций, не прощала компромиссов. Они видели в ней лишь зло, порождение тьмы, которое нужно уничтожить. И я, как верный своей семье сын, исполняющий волю предков, стал орудием в их руках.

В тот день, когда пламя поглотило её дом, я видел эти глаза. В них не было страха, лишь понимание, в её взгляде я будто бы прочитал:

— Мы встретимся. Спустя тысячи лет.

Она знала, что я должен сделать, и, кажется, простила меня ещё до того, как я успел поднять клинок. Это было её последнее прощание, её последний дар – прощение, которое я не заслужил.

Теперь, когда пепел остыл, а дом превратился в руины, я остался один. Обугленные балки, запах гари и пустота – вот всё, что осталось от моей жизни. Я исполнил свой долг, но цена оказалась непомерно высокой. Я потерял не просто девушку, обладавшую магией, я потерял свою душу. И теперь, в этой тишине, я слышу лишь эхо её голоса, шепчущее моё имя, и вижу её глаза, горящие в моей памяти, как два вечных напоминания, мы ещё встретимся.

Каждый рассвет приносит не свет, а лишь новую порцию

мучений. Солнце, пробивающееся сквозь дымку, кажется насмешкой над моей опустошенной душой. Я брожу среди обломков, словно призрак, ищущий то, что уже никогда не найдет. Каждый камень, каждая трещина в земле напоминает о ней, о наших общих моментах, о словах, что остались несказанными.

Я помню, как она смеялась, когда я пытался научить её играть на лютне, её пальцы, такие ловкие в магии, были неуклюжи с инструментом. Помню, как она рассказывала мне о звездах, о древних заклинаниях, о мире, который был скрыт от глаз обычных людей. Она открыла мне вселенную, полную чудес и опасностей, и я, наивный мальчишка, верил каждому её слову, каждому её взгляду.

Теперь я понимаю, что она была моим якорем в этом безумном мире, моим единственным утешением. Без неё я потерян, словно корабль без парусов в бушующем океане. Долг, который я так ревностно исполнял, оказался пустым звуком, лишенным всякого смысла. Что мне теперь до древних традиций, до чести семьи, если я сам стал лишь оболочкой, лишенной сердца?

Ночи стали невыносимыми. Сны приносят её образ, живой и яркий, а затем, в самый разгар счастья, я снова совершаю ошибку, оставляя меня в холодном поту, с криком, застрявшим в горле. Я пытался забыть, пытался заглушить боль вином, но алкоголь лишь усиливает её, делая воспоминания ещё более острыми, ещё более мучительными.

Глава 2

Париж 1715 г.

Вечность. Когда-то это слово казалось мне приговором, бесконечным бременем. Но годы, столетия, тысячелетия — они притупляют даже самую острую боль. Я научился жить с этим, научился находить в этом свой, пусть и мрачный, смысл. И, что самое главное, я нашел способ. Способ снять с себя это проклятие, или же, если понадобится, положить конец той единственной, что занимает мое сердце. Экзорцизм. Звучит просто, но путь к нему был долгим и тернистым.

Мое обучение не было похоже на сказки о мудрых наставниках и уютных библиотеках. Оно началось в пыльных skleпах забытых цивилизаций, где я выменивал крупички знаний у тех, кто давно перестал быть человеком. Я учился чувствовать ткань реальности на ощупь, как слепой читает шрифт Брайля, выискивая в ней те самые «швы» — места, где мироздание истончается, позволяя просунуть руку в само нутро бытия.

Магия стала для меня не искусством, а хирургией. Я препарировал заклинания, отсекая лишнее, превращая витиеватые формулы в короткие, смертоносные импульсы. Я изучал экзорцизм не по священным текстам, а через практику: изгоняя сущностей из тел тех, кто молил о смерти, и наблюдая, как их души распадаются на атомы под моим пристальным

взглядом. Я научился видеть разницу между «изгнанием» и «уничтожением». Первое — лишь отсрочка, второе — окончательный вердикт.

Я проводил десятилетия в монастырях, где монахи боялись даже произносить мое имя, и в логовах чернокнижников, чьи имена были стерты из истории. Я пил яды, чтобы понять, как они обходят защиту духа, и позволял проклятиям разъедать мою плоть, чтобы изучить их структуру изнутри. Мои руки, когда-то дрожавшие от страха перед неизбежностью, теперь тверды, как сталь. Я стал коллекционером запретных истин, собирая по осколкам ритуал, способный разорвать связь, которую не под силу разорвать самой Смерти.

Теперь, когда в моих пальцах пульсирует энергия, способная стереть с лица земли целые города, я понимаю: я больше не ученик. Я — палач, который сам выковал свой топор. И если цена моего освобождения — это пустота, я готов заплатить её сполна.

Сейчас мир знает меня как единственного наследника военачальника Ноеля Бютона. Он ушел из жизни в январе этого года, оставив после себя лишь титул и богатство. Родственников у него не было, и именно поэтому я выбрал его. Идеальная маска, идеальное прикрытие.

Сегодня вечером меня пригласили на бал. Праздник в честь рождения наследника семьи Герцога Де Шамиль. Оперный театр, блеск люстр, шелест шелков — все это так да-

леко от моей истинной природы. Но именно поэтому я и согласился. У меня есть время. Время до вечера. Время, чтобы разобраться с еще одним... одержимым. Не самым изящным способом, признаюсь. Но когда речь идет о спасении, о свободе, о том, что мне дорого, я не всегда выбираю легкие пути.

Одержимый. Это слово стало для меня синонимом грязи, слабости, той самой уязвимости, которую я так долго пытался искоренить в себе. Демон, что терзал его, был не слишком искусен, но его присутствие отравляло воздух, искажало реальность, и я не мог позволить этому пятну остаться незамеченным, особенно накануне такого события. Бал. Собирались знати, где каждый взгляд – это оценка, каждое слово – потенциальная угроза. Мне нужно было быть безупречным, чистым, чтобы не вызвать подозрений.

Я нашел его в заброшенном квартале, где тени сгущались даже днем, а воздух был пропитан запахом гнили и отчаяния. Он метался по комнате, его глаза горели нечеловеческим огнем, а из горла вырывались хриплые, искаженные звуки. Экзорцизм, который я освоил, не был ритуалом из старинных книг. Он был грубым, жестоким, основанным на силе воли и знании истинной природы зла. Я не призывал божественные силы, я использовал свою собственную, закаленную веками борьбы, свою ненависть к тому, что пыталось поглотить невинных.

Слова, которые я произносил, были не молитвой, а приго-

вором. Они рвали ткань реальности, заставляя демона корчиться и кричать. Его сопротивление было слабым, предсказуемым. Он был лишь мелкой сошкой, заблудившейся в лабиринтах человеческих страстей. Я чувствовал, как его сущность вырывается из тела одержимого, как тонкая нить, которую я с силой обрывал. Облегчение, которое я ощутил, было почти физическим. Тело одержимого обмякло, его глаза потухли, оставив лишь пустоту. Я не испытывал жалости. Это была лишь работа, необходимая ступень на пути к моей цели.

Теперь, когда последний след этого мерзкого присутствия был стерт, я мог позволить себе немного времени. Время, чтобы привести себя в порядок, чтобы надеть маску, которую мир ожидал увидеть. Маску наследника Ноеля Бютона. Маску человека, который, казалось бы, только что обрел все, о чем можно мечтать. Но я знал истинную цену этого обретения. И я был готов заплатить ее. Бал Де Шамиль – это не просто светское мероприятие. Это место, где переплетаются судьбы, где заключаются союзы и плетутся интриги. И я, как новый игрок на этой шахматной доске, должен был занять свое место. Возможно, там я найду ответы. Или, возможно, новые вопросы. Но одно я знал точно: вечность научила меня быть терпеливым. И сегодня вечером я буду наблюдать. И ждать.

Бал. Слово, которое для большинства означает праздник, для меня же – лишь очередное поле для игры. Игра, где став-

ки высоки, а правила постоянно меняются. Я вошел в зал, и меня тут же окутала волна ароматов дорогих духов, смешанных с запахом вина и легкой нервозности. Глаза, сотни глаз, скользнули по мне, оценивая, изучая. Они видели лишь молодого человека, внезапно вознесенного на вершину богатства и влияния. Они не видели веков, прожитых в одиночестве, не чувствовали холода бессмертия, не знали той отчаянной борьбы, что велась внутри меня.

Я улыбнулся, кивнул несколькими знакомым лицам, чьи имена я запомнил лишь потому, что они могли быть полезны. Моя новая личность, наследник военачальника, требовала безупречного исполнения. Я должен был быть обаятельным, немного отстраненным, но при этом демонстрировать уверенность и достоинство. Каждый мой жест, каждое слово были тщательно выверены. Я наблюдал за танцующими парами, за шепотом в углах, за тем, как люди обмениваются взглядами, полными скрытых смыслов. Это был мир, где истинные намерения прятались за масками вежливости и светских условностей.

Мой взгляд скользнул по залу, ища знакомые лица, или, скорее, лица, которые могли бы стать мне интересны. Семья Де Шамиль. Они были здесь, в центре внимания, окруженные свитой. Их богатство и влияние были неоспоримы. И, конечно, их новорожденный наследник. Символ продолжения рода, надежда на будущее. Для них это был праздник. Для меня – возможность. Возможность узнать больше о тех,

кто правит этим миром, о тех, кто может стать как союзником, так и врагом.

Я подошел к одному из столов, где стояли напитки. Взял бокал с шампанским, чувствуя, как холодный металл приятно холодит пальцы. В отражении бокала я увидел свое лицо – молодое, красивое, с легкой тенью усталости в глазах, которую никто не заметит. Внезапное движение за спиной заставило меня обернуться. Там стояла Беллатрис, чье имя я слышал лишь в обрывках разговоров.

– Прошу прощения, видимо я напугала вас. – прозвучал её голос.

– Нисколько, скорее не ожидал увидеть вас – ответил я, приветливо улыбнувшись. Беллатрис была воплощением изящества и утонченности. Ее красота не кричала о себе, но притягивала неотвратимо: легкие волны светлых волос обрамляли лицо, а янтарные глаза, казалось, проникали в самую душу.

– Эштан Бютон, наследник военачальника Ноэля Бютона. – представился я.

– Беллатрис де Фуа, графиня и старшая наследница графа Артура де Фуа.

Мы обменялись представлениями, и в воздухе повисла легкая пауза, наполненная невысказанными вопросами и взаимным любопытством. Я отпил глоток шампанского, позволяя пузырькам танцевать на языке, и наблюдал за Беллатрис. Ее взгляд, казалось, скользил по толпе, но я чувство-

вал, что она внимательно изучает меня, словно пытаюсь прочесть мои мысли по едва заметным движениям. В ее янтарных глазах читалась не только красота, но и какая-то глубина, некая мудрость, которая редко встречается у столь юных особ.

– Вы, должно быть, здесь впервые, Эштан? – спросила она, ее голос был мелодичным, как тихий звон колокольчиков.

– Да, это мое первое посещение такого рода мероприятия, – признался я, чувствуя, как легкая тень усталости, которую я так старательно скрывал, все же проступает на моем лице. – "Отец, военачальник Бютон, редко позволяет себе подобные выходы, предпочитая заниматься делами государства.

– Понимаю, – кивнула Беллатрис, и в ее глазах мелькнуло что-то похожее на понимание, возможно, даже сочувствие. – Мой отец, граф де Фуа, тоже человек дела. Но иногда, даже самым занятым людям необходим отдых и возможность увидеть мир за пределами своих обязанностей.

Я улыбнулся. В ее словах не было ни тени снисхождения, лишь искреннее наблюдение.

– Вы правы. Здесь собралось много интересных людей чтобы отвлечься от суеты приятными беседами.

– И вы тоже, Эштан Бютон, – добавила она, и ее улыбка стала чуть шире, осветив лицо. – Я слышала о вашем отце, его репутация впечатляет. А теперь, кажется, и о вас начнут говорить.

Ее слова заставили меня почувствовать легкое смущение.

Я знал, что мое имя будет нести в себе вес, но услышать это от незнакомой, но столь очаровательной девушки, было приятно. Я снова отпил шампанское, чувствуя, как легкое опьянение начинает рассеивать остатки усталости.

— Я надеюсь, что это будут хорошие разговоры, — ответил я, стараясь сохранить спокойствие. — А вы, Беллатрис де Фуа, как часто посещаете подобные приемы?

— Достаточно часто, чтобы чувствовать себя здесь как дома, — ответила она, ее взгляд снова скользнул по залу. — Но каждый раз это новая возможность узнать что-то новое, встретить кого-то нового. Как, например, вас.

В ее словах была легкая игривость, которая мне понравилась. Я почувствовал, как между нами возникает невидимая нить, сплетенная из взаимного легкого флирта.

Сделав еще один глоток, ощущая пузырьки, танцующие на языке. Опустив бокал на уровне лица, я заметил странное в отражении. Рыжие волосы. Их сложно не заметить среди такой толпы, они выделялись и легкой волной плыли к виновникам торжества. Это точно она. Я не знал, но чувствовал. Она та, кого я ищу.

Пока я культурно пробирался сквозь толпу и параллельно вел светские беседы с дамами, что проявляли ко мне интерес, девушка уже ушла от семьи герцога, направляясь к выходу. Мне нужно было её остановить.

Я двинулся следом, лавируя между группами гостей, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания. Каждый шаг

приближал меня к ней, и одновременно усиливал напряжение. Я видел, как она прошла мимо нескольких знакомых лиц, но ни одно из них не вызвало у нее ответной реакции. Она была погружена в свои мысли, или, возможно, просто стремилась как можно скорее покинуть это шумное собрание.

Я ускорил шаг, чувствуя, как мои движения становятся более решительными. Светские беседы, которые еще минуту назад казались мне необходимой частью игры, теперь отвлекали и раздражали. Я мысленно прощался с ними, сосредоточившись на единственной цели.

Вот она уже у самой двери, ее силуэт четко вырисовывается на фоне приглушенного света коридора. Еще несколько секунд, и она исчезнет. Я сделал рывок, преодолевая последние метры.

– Прошу прощения! – мой голос прозвучал чуть громче, чем я планировал, но в этот момент это не имело значения.

Она обернулась. Ее глаза, цвета морской глади, встретились с моими. В них мелькнуло удивление, смешанное с легкой настороженностью. Рыжие волосы, обрамляющие ее лицо, казались еще более яркими в полумраке. Она была еще прекраснее, чем я мог себе представить.

– Эштан.... Как ты... Что ты здесь делаешь? – в её голосе чувствовалось замешательство. Она не была испугана, скорее, готова к обороне.

Я остановился в нескольких шагах от нее, пытаясь со-

браться с мыслями. Что сказать? Как начать разговор, который не покажется что я хочу разобраться с ней здесь и сейчас?

– Я... я искал тебя сто лет, ради объяснений и исправления того, к чему ты причастна – начал я, стараясь придать своему голосу непринужденность. – а эта встреча сейчас, обычная случайность.

Легкая улыбка тронула ее губы, будто она была рада видеть меня, как и я её, но глаза оставались внимательными.

– Я отвечу тебе на всё позже, обещаю – ответила она, склонив голову. – Дело в твоей семье – это всё что я могу тебе сказать сейчас.

Я чувствовал, как игра набирает обороты. Она была осторожна, но явно спешила.

– Я бы сказала, что твоя семья имеет свою историю, – уклончиво ответила она, делая шаг в сторону коридора. – Но сейчас мне нужно идти.

– Подожди, – я снова перегородил ей путь, но на этот раз более мягко. – Я не хотел тебя задерживать. Просто... я скучал по тебе.

Я видел, как ее брови слегка приподнялись. Это было именно то, что я хотел вызвать – легкое замешательство, любопытство.

– Скучал? – она повторила, и в ее голосе прозвучала нотка иронии – Ты ведь сжег меня, а если точнее, то куклу в моем обликии, что я оживила магией, благодаря которой я жи-

ва прямо сейчас – она сделала четкий шаг вперед, подпирая меня к стене, оставаясь лицом лишь в сантиметре от моего. Я чувствовал её раздражение и обиду на меня.

– Я знаю – согласился я, глядя ей прямо в глаза – Прости, ты знала мою семью и их традиции, я понимаю это не оправдание моего поступка, но...

– Хватит – я тут же замолк от такого резкого тона девушки. – Поговорим об этом позже, я сама найду тебя, прощай. – это прозвучала больше, как обида, я не мог дать ей снова просто уйти.

Я знал, что через мгновение зазвучит мелодия вальса. Не раздумывая, я схватил её за руку и быстро повёл к центру зала, надеясь задержать и вымолить прощение. Мы встали на своё место за минуту до начала, и я увидел в её глазах, что она предвидит, что сейчас произойдёт. Протянув ей руку, я ждал её ответа.

Её ладонь встретилась с моей. Прохладная и изящная.

– Я – Лилит, – произнесла она, и её имя прозвучало как музыка. Я не знал её имени раньше, а теперь оно стало для меня залогом новой встречи.

Её имя. Лилит. Оно стало якорем в бушующем море моих чувств. Я смотрел на неё, на эту хрупкую, но такую сильную женщину, и понимал, что сто лет ожидания – это лишь начало. Её прохладная ладонь в моей руке была не просто ответом на приглашение в танце, а обещанием, вызовом и, возможно, началом искупления.

Начался танец. Я вёл её в сложных, но стандартных позициях, в такт с остальными парами.

Её тело, сначала напряженное, постепенно расслаблялось в моих руках, подчиняясь ритму музыки и моему ведению. Каждый поворот, каждое движение были наполнены невысказанными словами, попыткой наладить связь там, где, казалось, осталась лишь пропасть. Я чувствовал, как её дыхание становится ровнее, как её пальцы, сначала сжатые в кулак, теперь мягко касаются моей ладони. Это было больше, чем просто танец; это был диалог без слов, где каждое прикосновение, каждый взгляд говорили о том, что мы оба не готовы отпустить этот момент.

В её глазах, отражающих мерцание люстр, я видел отголоски той обиды, но теперь к ним примешивалось что-то новое – любопытство, возможно, даже робкая надежда. Я старался передать ей через танец всё то, что не мог высказать словами: своё сожаление, своё восхищение, свою готовность ждать. Я чувствовал, как между нами возникает невидимая нить, сотканная из музыки, движения и этого внезапного, но такого важного знакомства.

Мои мысли были настолько заняты этой девушкой, что я даже не заметил, как пары начали меняться партнерами в танце и Ли перешла к юноше справа от нас. Дама что говорила ранее со мной теперь была со мной.

– Белла какая приятная встреча, снова. – я постарался непринужденно улыбнуться, дабы убрать с лица своё беспо-

койство.

– Эштан, прискорбна вам сообщить что та рыжая девушка к которой вы убежали пятью минутами ранее, скрылась – Беллатрис аккуратно под видом танца вывела нас из круга пар, давая мне возможность осмотреться и заметить, что не у одного из мужчин в паре нет Лили.

Глава 3

Я снова сбежала. Тяжело было оставлять его одного, разбираться с последствиями, которые я ему принесла. Но ему еще не время знать обо мне больше, чем просто мое имя.

Я растворилась в толпе, уловив момент в танце. Надеюсь, мой партнер не слишком огорчился. У выхода меня ждал Гром, мой верный конь. Карета — это для тех, кто не спешит. А мне нужно было исчезнуть быстро.

Я задержалась, разговаривая с Эшем. Мне пора к ведьмаку, к Сильвану. Он — последний из наших могучих предков, единственный, кто еще помнит их силу.

Свет фонарей мерцал сквозь туман, когда я мчалась по узким улочкам, чувствуя, как холодный ветер играет с моими волосами. В голове крутились мысли, словно вихрь — что я оставила позади, что предстоит впереди. Сильван — не просто ведьмак, он хранитель древних знаний, и только он сможет помочь мне понять, что со мной происходит, и как справиться с тем, что во мне пробудилось.

Я знала, что путь будет нелегким. В мире, где магия давно стала легендой, а страх и недоверие правят бал, довериться кому-то — значит поставить на кон все. Но выбора не было. Внутри меня росла сила, которую я едва могла контролировать, и, если ее не направить, она поглотит меня целиком.

Гром поднимал копыта, словно чувствуя мое напряжение.

Мысли о нем — верном спутнике и единственном, кто не задает лишних вопросов — приносили странное облегчение. Впереди меня ждали испытания, но я была готова встретить их лицом к лицу. Потому что иногда, чтобы найти себя, нужно сначала потерять все остальное.

Каждый удар копыт Грома отдавался в груди, вторя бичению моего сердца, которое, казалось, пыталось вырваться наружу. Я чувствовала, как городские огни сменяются темными силуэтами деревьев, а затем и вовсе растворяются в непроглядной ночи. Туман становился гуще, окутывая нас плотным, влажным покрывалом, словно пытаюсь скрыть мое бегство от посторонних глаз. Но я знала, что от себя не убежать. Эта новая сила, что пульсировала под кожей, была частью меня, и ее пробуждение было лишь вопросом времени.

Я вспоминала его лицо, его растерянность, когда я исчезла. Было ли это правильным решением? Оставить его одного с последствиями моих действий, с той тенью, что я невольно бросила на его жизнь. Но я не могла позволить ему увидеть меня такой, какой я становлюсь. Не могла подвергнуть его опасности, пока сама не пойму, что происходит. Эш, с его пронизательным взглядом, казалось, видел больше, чем я хотела показать. Его слова, сказанные на прощание, были полны невысказанного понимания, и это было одновременно утешением и еще одним грузом на душе.

Его имя, словно древний обряд, пробуждало во мне надежду. Сильван — последнее эхо ушедшей эпохи, той, где мо-

гушество не было лишь сказкой. Я искала в нем ответы, ключ к пониманию себя, к этим странным метаморфозам, что происходили со мной. Ведьмаки, как гласили предания, были стражами гармонии. Быть может, он сможет указать мне путь к обретению этой гармонии внутри меня самой.

Порывы ветра, несущие аромат влажной земли и смолы, ласкали мои волосы. Мой верный конь, Гром, казалось, разделял мою решимость, унося меня вперёд с неукротимой силой. Что ждет меня впереди – неведомые испытания или долгожданные откровения? Я не знала. Но одно было ясно: прежней меня уже нет. И этот путь, путь к истинной себе, только начинается.

Через четверть часа я оказалась у неприметного бара. Прикрыв лицо капюшоном, я вошла, уверенно направляясь к стойке. За ней стоял мужчина, протирая стаканы. Суровый взгляд, повязка на глазу и внушительная стать – он явно превосходил меня ростом и телосложением.

– Virvendama, – произнесла я, и этого было достаточно. Мужчина, не задавая вопросов, лишь слегка приоткрыл дверь за собой, приглашая пройти.

За дверью меня встретила лестница, ведущая вниз. Я знала, что он там.

Спуск был крутым, ступени стерты временем и бесчисленными шагами. Воздух становился прохладнее, насыщеннее запахами старого дерева, пыли и чего-то неуловимо пряно-

го, напоминающего травы, которые я видела лишь в старинных травниках. Каждый шаг вниз был шагом вглубь тайны, вглубь себя. Я чувствовала, как напряжение, скопившееся за долгий путь, начинает медленно отступать, уступая место предвкушению.

Внизу меня встретил полумрак, освещаемый лишь тусклым светом масляной лампы, стоящей на массивном столе. Комната была небольшой, но уютной, заставленной полками с книгами, склянками и странными артефактами. И там, в кресле, которое казалось вырезанным из самого дерева, сидел он. Сильван.

Его взгляд, подобный древним звёздам, проникал сквозь завесы иллюзий, видя не только то, что есть, но и то, что было, и то, что ещё только зарождается в потоке времени. Серые пряди, словно нити лунного света, обрамляли лицо, испещрённое морщинами – каждая из них была картой, отмечающей пройденные пути, пережитые эпохи и усвоенные уроки. В его руках, сильных и одновременно нежных, способных как сотворить миры, так и исцелить малейшую рану, всегда покоился посох из корня мирового дерева, шепчущий древние тайны.

Он не носил броских одеяний, предпочитая простые, но искусно сотканые из волокон, впитавших энергию земли и неба, ткани, что сливались с тенями леса и мерцанием звёзд.

Его присутствие ощущалось как древний, незыблемый покой, как безмолвная сила, что держит в равновесии миры.

Он не стремился к власти, ибо понимал, что истинная сила заключается не в господстве над другими, а в гармонии с собой и со всем сущим. Он был хранителем знаний, не записанных в книгах, а вплетенных в саму ткань бытия, и его магия была не просто заклинаниями, а глубоким пониманием законов мироздания, позволяющим ему направлять потоки энергии, не нарушая их естественного течения.

Он не судил, но наблюдал, не вмешивался без крайней нужды, но всегда был готов протянуть руку помощи тем, кто искренне искал света. Его улыбка была редкой, но, когда она появлялась, казалось, что само солнце заглядывает в самые потаенные уголки души, рассеивая тени сомнений и страхов. Он был не просто магом, а живым воплощением мудрости, мостом между мирами, проводником для заблудших и маяком для ищущих истину.

– Ты пришла, – произнес он, голос его был подобен шелесту осенних листьев, несущему мудрость веков, или тихому рокоту горного ручья, успокаивающему мятущиеся души. Он говорил мало, но каждое слово было весомо, как отшлифованный временем камень, и несло в себе глубокий смысл, открывающийся лишь тем, кто готов был слушать не только ушами, но и сердцем. – Я ждал.

Я подошла ближе, чувствуя, как мое сердце бьется быстрее. Это был момент, которого я ждала так долго. Момент истины.

– Сильван, – начала я, и мое собственное имя, произ-

несенное вслух, казалось теперь таким незначительным по сравнению с его. — Я пришла за ответами. Я... я меняюсь. И я не знаю, что со мной происходит.

Он внимательно посмотрел на меня, и я почувствовала, как его взгляд проникает сквозь мою накидку, сквозь мою кожу, прямо в самую суть моей души. Казалось, он видит все мои страхи, все мои сомнения, всю мою неопределенность.

— Перемены — это не всегда зло, дитя, — сказал он, и в его голосе не было ни осуждения, ни удивления. — Иногда это лишь пробуждение того, что всегда было внутри тебя. Ты ищешь равновесие, но истинное равновесие не в отсутствии перемен, а в умении их принять.

Он жестом пригласил меня сесть на стул напротив. Я послушно опустилась, чувствуя, как мои ноги дрожат от напряжения и ожидания.

— Ты чувствуешь в себе силу, которую не можешь контролировать, — продолжил он, словно читая мои мысли. — Силу, которая пугает тебя. Но эта сила — часть тебя. Она не пришла извне, она всегда была в тебе, просто ждала своего часа.

Я кивнула, не в силах произнести ни слова. Его слова были как бальзам на мою израненную душу, но в то же время они вызывали новые вопросы.

— Но как... как мне ее понять? Как научиться управлять ею? — спросила я, мой голос дрожал.

Сильван улыбнулся, и в этой улыбке было столько тепла и понимания, что я почувствовала, как напряжение покидает

меня.

– Путь к себе всегда начинается с принятия, – ответил он.
– Принятия того, кто ты есть, со всеми своими сильными и слабыми сторонами. Ты не одна, дитя. И ты не сломлена. Ты лишь начинаешь раскрывать свой истинный потенциал. А я помогу тебе в этом.

Его слова, словно тихий ручей, омывали мою душу, унося с собой тревогу. Принятие. Это слово звучало просто, но я знала, что за ним скрывается долгий и, возможно, тернистый путь. Я всегда стремилась к контролю, к предсказуемости, а теперь мне предстояло довериться чему-то неизведанному, что бурлило внутри меня.

– Но как... как принять то, чего я не понимаю? – прошептала я, чувствуя, как в горле снова встает ком. – Эта сила... она кажется чужой. Она меняет меня, и я боюсь, что однажды она поглотит меня целиком.

Сильван наклонил голову, его взгляд стал еще более сосредоточенным. Он не спешил с ответом, давая мне время осмыслить свои слова. В тишине комнаты, нарушаемой лишь потрескиванием лампы, я чувствовала, как мои собственные мысли становятся яснее, как будто его присутствие рассеивало туман неопределенности.

– Чужая? – повторил он, и в его голосе прозвучала легкая нотка удивления. – Ты думаешь, что сила, которая исходит из тебя, может быть чужой? Это, как если бы дерево боялось своих собственных корней, потому что они уходят глубоко в

землю. Твои корни – это твоя история, твоя кровь, твоя сущность. То, что ты называешь силой, – это лишь проявление твоей истинной природы, которая пробуждается.

Он поднялся и подошел к одной из полок, где стояла небольшая глиняная фигурка, изображающая спящего дракона. Он взял ее в руки, и я заметила, как его пальцы, несмотря на возраст, двигаются с удивительной ловкостью.

– Ты чувствуешь себя так, словно тебя разрывает на части, – продолжил он, не отрывая взгляда от фигурки. – Одна часть тебя хочет остаться прежней, безопасной, знакомой. Другая же стремится к чему-то новому, неизведанному, к росту. Это естественный конфликт, который испытывает каждый, кто стоит на пороге великих перемен. Но помни, дитя, даже самый могучий дракон когда-то был лишь яйцом. И чтобы вылупиться, ему пришлось пробить скорлупу.

Он вернулся к креслу и снова сел, жестом приглашая меня продолжать. Я чувствовала, как его слова проникают глубже, чем просто информация. Они касались самой сути моего существа.

– Но как мне не сломаться, пробивая эту скорлупу? – спросила я, чувствуя, как в моих глазах начинают собираться слезы. – Я боюсь причинить вред себе или другим. Я не хочу быть монстром.

Сильван посмотрел на меня, и в его глазах я увидела отражение своего собственного страха, но также и надежду.

– Монстр – это тот, кто выбирает разрушение, – сказал он

мягко. — А ты ищешь понимания, ты ищешь равновесия. Это уже не выбор монстра. Твоя сила не предназначена для разрушения, если ты сама этого не захочешь. Она предназначена для защиты, для созидания, для того чтобы стать тем, кем ты должна быть. И я помогу тебе найти этот путь. Мы начнем с малого. С понимания того, что именно пробуждается в тебе. С изучения твоих чувств, твоих реакций. С того, чтобы научиться слушать свое тело, свой разум, свою душу.

— А где мы будем всем этим заниматься? Над нами люди, а тут не особо много места — моё недоумение было видимо предсказуемо, ведьмак лишь усмехнулся и махнул рукой, перед мной тут же открылась реальность комнаты. Большая просторная и с дополнительными дверьми всего их было пять.

— Тут мы будем с тобой встречаться, а эти двери твои задания, каждая из них за что-то отвечает. Завтра твоя первая комната будет с артефактами — Сильван указал на дверь за моей спиной. — Будем идти по нарастающей, с самой легкой.

Ночь после бала

Эштан, кажется, знал это чувство не понаслышке. Найти что-то такое важное, такое желанное, а потом — бац! — и оно снова исчезло. И не просто что-то, а девушка. Да еще и в самый разгар танца, когда все взгляды прикованы к тебе. Стыдоба-то какая! Кому расскажешь — засмеют, наверняка.

Вернувшись домой, Эштан битый час просто лежал на кровати, уставившись в потолок. Все мысли были только о ней – о девушке с огненными волосами.

– И что мне теперь делать? – вырвался из него самый безнадёжный вздох. И ведь правда, что он знал? Только имя. И то, что она ведьма. А за такое знание, между прочим, и казнить могут. За пособничество темным силам. Вот такая вот дилемма. Нашел – и тут же потерял, да еще и с таким риском.

Он перевернулся на бок, подперев голову рукой. Огненные волосы... Они словно горели в полумраке зала, притягивая взгляд, завораживая. И этот смех, легкий, как звон колокольчика, когда он споткнулся. Он помнил его отчетливо, как будто это было только что. А потом – пустота. Толпа, шум, и ни следа той, что заставила его сердце забиться с такой силой, какой он не испытывал никогда прежде.

– Так, завтра надо поискать какие-то зацепки о ней в городе, не могла такая девушка остаться без внимания, что-нибудь да найду.

Глава 4

Лилит

Каждая из пяти комнат была своеобразным испытанием, выстроенным Сильваном как лабиринт для моего разума и духа. Весь день у меня были тренировки, как оказалось я не могу управлять своей магией, которая предназначена для битв, она слишком сильна, и чтобы контролировать её мне нужно усердно обучиться у Сильвана.

Он говорил, что моя сила — это не дар, а древнее наследие, требующее жертв. После сегодняшних упражнений я поняла, что он не преувеличивал: магия внутри меня жила своей, пугающе автономной жизнью. Она пульсировала в такт моему сердцу, горячая, вязкая, требующая выхода, словно хищник, запертый в тесной клетке моих ребер.

В тишине тренировочного зала, когда тени удлинялись, поглощая углы, я чувствовал, как она тянется к окружающему миру, ища малейшую трещину в моей воле, чтобы вырваться на свободу. Сильван наблюдал за мной из полумрака, и в его глазах я видела не сочувствие, а холодный расчет человека, знающего, что произойдет, если плотина прорвется. Мне нужно стать сильнее, чем этот хаос, нужно научиться подчинять себе эту тьму, иначе я перестану быть хозяином собственной судьбы и превращусь лишь в безвольный инструмент в руках стихии, которая не знает жалости. Каж-

дая из пяти комнат была своеобразным испытанием, выстроенным Сильваном как лабиринт для моего разума и духа.

Первая комната, Зал Шепота, была наполнена гулким эхом моих собственных сомнений. Стоило мне войти, как стены начали транслировать голоса тех, кого я когда-то подвела, превращая мои страхи в осязаемые звуковые волны, от которых вибрировали кости. Здесь я должна была научиться сохранять абсолютную тишину внутри себя, игнорируя какофонию прошлого.

Вторая, Камера Инерции, представляла собой пространство, где гравитация менялась каждые несколько секунд. Чтобы удержать магию в узде, мне приходилось балансировать на грани падения, буквально «приклеивая» свою волю к полу, пока стихия внутри пыталась использовать мою нестабильность, чтобы вырваться наружу.

Третья комната — Обитель Искр — была заполнена левитирующими кристаллами, которые реагировали на малейший всплеск моей энергии. Стоило мне хоть на миг потерять концентрацию, как они вспыхивали ослепительным пламенем, превращая воздух в раскаленное марево. Это было упражнение на филигранную точность: я должна была не подавлять силу, а направлять её тончайшими нитями, не давая кристаллам взорваться.

Четвертая, Зеркальный Лабиринт, была самой коварной. В каждом отражении я видела не себя, а ту версию меня, которая уже поддалась тьме. Эти «тени» двигались синхронно

со мной, но с пугающей грацией, насмехаясь над моей неуклюжестью. Здесь я училась распознавать, где заканчивается моя личность и начинается чужеродная мощь, не позволяя отражениям сбить меня с толку.

И, наконец, пятая — Пустота. В ней не было ничего: ни звука, ни света, ни опоры под ногами. В этой абсолютной изоляции магия внутри меня начинала кричать, требуя разрушения, чтобы хоть что-то заполнить этот вакуум. Это было испытание на выживание в одиночестве с собственным монстром, где единственным якорем оставалось мое дыхание.

Сильван не помогал. Он лишь ждал, когда я либо сломаюсь, либо наконец осознаю, что эта сила — не враг, а продолжение моей крови. Но с каждым пройденным этапом я чувствовала, как меняется не только моя магия, но и я сама: холод в моих глазах становился всё больше похож на тот, что я видела у своего наставника.

Когда я вышла из последней комнаты, мои ноги едва держали меня, а в ушах всё ещё звенела звенящая тишина Пустоты. Сильван стоял у выхода, скрестив руки на груди. Его силуэт казался высеченным из того же камня, что и стены этого проклятого лабиринта. Он не предложил мне воды, не протянул руку помощи — он лишь внимательно изучал меня, словно алхимик, наблюдающий за реакцией в колбе.

— Ты всё ещё здесь, — произнес он, и его голос, лишенный привычной резкости, прозвучал почти как признание. — Большинство ломается на третьем этапе, когда кристаллы

начинают жечь кожу. Ты же... ты начала ими управлять.

Я подняла взгляд. Мои руки, всё ещё подрагивающие от остаточного напряжения, казались мне чужими. Под кожей, вдоль вен, всё ещё пульсировал слабый, едва заметный фиолетовый свет — отголосок той ярости, которую я только что приручила. Я чувствовала, как магия внутри меня притихла, свернувшись кольцами, словно сытый зверь, но я знала: это лишь временное перемирие.

— Я не просто здесь, — ответила я, и мой голос прозвучал пугающе ровно, лишенный прежних ноток неуверенности. — Я поняла, что ты хотел мне показать. Ты не учил меня подавлять её. Ты учил меня быть её клеткой.

Сильван едва заметно улыбнулся — это была сухая, лишенная тепла гримаса.

— Почти. Ты училась быть не клеткой, а хозяином. Клетка рано или поздно разрушается, если зверь достаточно силен. Но если ты станешь самой стихией, если ты позволишь этой тьме течь сквозь тебя, не задерживаясь, ты перестанешь быть жертвой.

Он подошел ближе, и я впервые почувствовала, что его собственная аура — холодная, как лед в глубине ледника — резонирует с моей. Мы были двумя сторонами одной медали, двумя сосудами, наполненными одним и тем же ядом.

— Завтра мы начнем настоящий урок, — добавил он, разворачиваясь к выходу из зала. — Сегодня ты научилась выживать в лабиринте. Завтра ты научишься превращать этот

лабиринт в оружие. Иди, отдохни. Если сможешь уснуть, зная, что теперь ты — единственное, что отделяет этот мир от катастрофы.

Я осталась стоять в полумраке, глядя на свои ладони. Я знала, что он прав. Сон больше не будет приносить забвение — теперь в моих снах я буду видеть не только свои страхи, но и те возможности, которые открывала передо мной эта бездна. Я сделала глубокий вдох, чувствуя, как магия послушно отозвалась на мой ритм, и впервые за весь день ощутила не страх, а странное, пугающее предвкушение.

Тьма внутри меня больше не была чужой. Она была мной. И я была готова к тому, что принесет завтрашний день.

Ночь не принесла покоя, лишь смену декораций. Моя комната, прежде казавшаяся убежищем, теперь ощущалась как еще одна камера — шестая, самая тихая и самая опасная. Стоило мне закрыть глаза, как границы реальности истончались. Я больше не видела снов в привычном понимании; я видела потоки. Энергетические линии, пронизывающие стены замка, пульсацию жизни в спящем лесу за окном, даже собственное сердцебиение, которое теперь казалось мне ритмичным ударом молота по наковальне мироздания.

Я не спала. Я медитировала, позволяя тьме, которую Сильван называл моим наследием, просачиваться сквозь поры кожи. Раньше я пыталась удержать её, сжать в кулак, но теперь, следуя совету наставника, я расслабилась. Я стала руслом реки. Холодная, вязкая мощь текла через меня, не

задерживаясь, омывая кости и выжигая из сознания остатки человеческой слабости.

К рассвету я чувствовала себя не уставшей, а пугающе ясной. Мои чувства обострились до предела: я слышала, как в соседнем крыле Сильван точит клинок, как оседает пыль на каменных плитах, как замирает жизнь в ожидании моего следующего шага.

Когда первые лучи солнца коснулись витражей, я уже стояла в центре тренировочного зала. Сильван ждал меня там же, где оставил вчера. Он не произнес ни слова приветствия. Вместо этого он поднял руку, и воздух вокруг него пошел рябью. В одно мгновение пространство исказилось, и из пустоты возникли призрачные очертания лабиринта, но теперь он не был статичным. Стены двигались, менялись местами, сжимались и расширялись, подчиняясь воле наставника.

— Ты сказала, что поняла суть, — его голос прорезал тишину, холодный и острый, как лезвие. — Но понимание — это лишь теория. Сегодня ты докажешь, что способна не просто сдерживать хаос, а диктовать ему свои условия.

Он взмахнул рукой, и пол под моими ногами превратился в зыбкую поверхность, готовую поглотить меня.

— Лабиринт — это не испытание для тебя, — бросил он, отступая в тень. — Это продолжение твоей воли. Если ты считаешь, что ты — хозяин, то заставь эти стены подчиниться. Если ты хоть на миг усомнишься, если позволишь страху взять верх — лабиринт раздавит тебя. Не как враг, а как

часть тебя самой, которая больше не признает твоего лидерства.

Я закрыла глаза, чувствуя, как внутри меня поднимается знакомая волна. Но на этот раз я не стала её подавлять. Я шагнула навстречу этой тьме, позволяя ей хлынуть наружу, не как бесконтрольному потоку, а как продолжению моей собственной руки. Стены вокруг меня дрогнули. Я почувствовала их структуру, их холодный, бездушный ритм, и поняла: они не были преградой. Они были зеркалом.

Я подняла ладонь, и фиолетовое пламя, послушное, как верный пес, сорвалось с моих пальцев, вплетаясь в структуру лабиринта. Стены замерли, а затем начали перестраиваться, повинаясь моему движению. Я не просто шла сквозь них — я создавала путь, прорезая пространство своей волей.

Сильван наблюдал за мной, и в этот раз в его глазах я увидела не расчет, а нечто иное. Возможно, это был страх. Или, что еще хуже, удовлетворение от того, что он наконец-то создал то, что не сможет контролировать даже он сам.

— Хорошо, — прошептал он, и этот шепот эхом отозвался в каждой клетке моего тела. — Теперь ты готова к настоящей битве. Но помни: когда ты смотришь в бездну, она не просто смотрит в ответ

— ...она начинает дышать в унисон с твоими легкими, — закончил он, и в этот момент стены лабиринта, которые я только что подчинила, внезапно пошли трещинами.

Фиолетовое пламя, всё еще танцующее на моих кончиках

пальцев, вдруг сменило оттенок на болезненно-белый. Я почувствовала, как реальность вокруг нас начала истончаться. Сильван не отступил, хотя пространство между нами стало напоминать натянутую струну, готовую лопнуть от малейшего прикосновения.

— Ты чувствуешь это? — спросил он, и его голос доносился словно из-под толщи воды. — Это не моя магия. Это отклик. Ты открыла дверь, которую не знала как закрыть, и теперь то, что обитает по ту сторону, почуяло родственную душу.

Я не ответила. Я не могла. Мое сознание разделилось: одна часть меня всё ещё стояла в зале, чувствуя холод камня под ногами, а другая — парила где-то в бесконечном пространстве между мирами, где тьма была не отсутствием света, а густой, осязаемой материей. Я видела, как из трещин в стенах лабиринта начинают просачиваться тени — не те, что были вчера, не мои собственные страхи, а нечто древнее, голодное и абсолютно чуждое.

Сильван выхватил клинок, но я видела, как дрогнула его рука. Он был мастером, но даже он не ожидал, что я не просто призову силу, а стану для неё маяком.

— Сверни это! — приказал он, и в его голосе впервые прозвучала нотка истинной тревоги. — Ты призываешь то, что не способна удержать!

Я посмотрела на свои руки. Они светились изнутри, вены проступали на коже, как карта звездного неба, поглощенно-

го черной дырой. Я поняла, что он прав: я не была клеткой. Я была порталом. И если я сейчас закрою этот поток, я сгорию изнутри, не выдержав давления собственной мощи. Если же я позволю ему течь дальше, я перестану быть человеком, превратившись в нечто, чему нет названия в человеческих летописях.

Я сделала выбор. Вместо того чтобы бороться с тьмой, я шагнула прямо в центр разлома, который сама же и создала.

— Ты хотел, чтобы я стала стихией, Сильван, — мой голос прозвучал неестественно низко, отражаясь от стен сразу сотней эхо. — Так смотри, как стихия поглощает твой лабиринт.

Я сжала кулак, и всё пространство вокруг нас схлопнулось. Звук был похож на стон умирающей звезды. Когда свет погас, а пыль осела, тренировочный зал выглядел так, будто по нему пронесся ураган, вывернувший камни наизнанку. Сильван стоял на коленях, тяжело дыша, его плащ был изорван в клочья.

Я стояла посреди руин, чувствуя, как внутри меня воцарилась пугающая, абсолютная тишина. Тьма больше не была «моей» или «чужой». Она стала моим дыханием. Я посмотрела на свои ладони — они были чисты, ни следа фиолетового пламени. Но я знала: теперь я могу вызвать его в любой момент, просто моргнув.

Сильван поднял голову, и в его глазах, отражающих разрушенный зал, я увидела не учителя, а человека, который

осознал, что выпустил на свободу нечто, что рано или поздно придет за ним самим.

— Ты не просто научилась управлять силой, — прохрипел он, поднимаясь на ноги. — Ты научилась её поглощать.

— Нет, — ответила я, глядя на него с той же холодной отстраненностью, которую он сам культивировал во мне все эти дни. — Я научилась её не бояться. А теперь скажи мне, наставник: чему ты собирался учить меня завтра? Потому что сегодня я поняла, что ты — лишь первая ступень на моем пути.

Сильван медленно выпрямился, отряхивая пыль с плеч. Его движения были скупыми, выверенными, но я видела, как напряжены его мышцы — он был готов к бою, который мог начаться в любую секунду. В воздухе всё ещё висел запах озона и жженого камня, а тишина, воцарившаяся в зале, казалась тяжелой, как свинец.

— Завтра? — он издал короткий, сухой смешок, в котором не было ни капли веселья. — Завтра я собирался учить тебя тому, как не уничтожить мир, когда ты поймешь, что он тебе больше не нужен. Но, кажется, этот урок ты усвоила экстерном.

Он сделал шаг ко мне, не опуская руки, в которой всё ещё сжимал рукоять клинка. Его взгляд, прежде холодный и расчетливый, теперь был пронизан чем-то похожим на болезненное любопытство.

— Ты думаешь, что победила, — продолжал он, обходя

меня по кругу, словно хищник, изучающий новую, опасную особь. — Ты думаешь, что поглотила бездну и теперь она — твоя ручная собака. Но ты совершила ошибку, девочка. Ты не поглотила тьму. Ты просто позволила ей стать твоим новым «я». Ты стала сосудом, который больше не имеет дна. И теперь вопрос не в том, как ты будешь использовать эту силу, а в том, сколько от тебя прежней останется к следующему закату.

Я не ответила. Я чувствовала, как внутри меня, в самой глубине сознания, пульсирует та самая «бесконечность», которую я только что впустила. Она не была злой. Она была равнодушной. Она смотрела на Сильвана не как на учителя, а как на временную помеху, как на старую декорацию, которая мешает обзору.

— Мой путь больше не нуждается в твоих наставлениях, — мой голос прозвучал ровно, без тени угрозы, но от него по стенам зала побежали новые трещины. — Ты хотел создать оружие, Сильван. Ты его создал. Но оружие не спрашивает у кузнеца, в кого ему стрелять.

Я развернулась и направилась к выходу из зала. Каждый мой шаг отдавался глухим гулом в фундаменте замка. Я чувствовала, как само здание реагирует на моё присутствие: камни под ногами слегка вибрировали, словно признавая нового хозяина.

— Куда ты идешь? — окликнул он, и в его голосе впервые промелькнула тень искреннего беспокойства. — Ты ещё не

готова к тому, что ждет за этими стенами. Мир не прощает тех, кто несет в себе такую мощь. Тебя будут искать. Тебя будут пытаться уничтожить.

Я остановилась в дверном проеме, не оборачиваясь. В полумраке коридора мои глаза, я знала это, светились тем самым болезненно-белым светом, который я видела в разломе.

— Пусть ищут, — ответила я, чувствуя, как тьма внутри меня начинает разворачивать свои крылья, заполняя собой всё пространство коридора. — Пусть приходят. Я больше не прячусь от бездны. Я и есть та бездна, которая пришла за ними.

Я вышла в ночную прохладу, оставив Сильвана в разрушенном зале. Замок был огромен, мир был огромен, и впервые в жизни я не чувствовала страха перед их масштабами. Я чувствовала лишь голод — не тот, что был раньше, не животный инстинкт, а холодную, расчетливую жажду перемен. Моя история как ученицы закончилась. Началась история того, что должно было стать концом всего, что я знала.

Ночь встретила меня удушливой сыростью. Бар остался позади, но его холод всё ещё сковывал мои плечи, словно невидимый плащ. Я шла быстро, стараясь слиться с тенями, которые здесь, в трущобах, казались почти осязаемыми. Мой капюшон был натянут низко, скрывая лицо, но я чувствовала, как магия под кожей реагирует на каждый шорох, на каждый вздох города. Она была настороже, как натянутая тетива.

Я свернула в узкий переулок, где свет луны едва пробивался сквозь нагромождение покосившихся крыш. В воздухе пахло гарью и гнилью. Внезапно тишину разрезал резкий, металлический лязг — звук сапог по брусчатке и характерный скрежет стали о ножны.

— Эй, ты! Стоять! — голос был грубым, пропитанным властью и привычкой к беспрекословному подчинению.

Мое сердце, которое последние часы казалось мне лишь механизмом, вдруг дернулось и пропустило удар. Инстинкт, тот самый, человеческий, заставил меня замереть. Я обернулась. В конце переулка, перекрывая единственный путь к отступлению, стояли трое. Военные патрульные в тяжелых доспехах, с эмблемами, которые я видела лишь в учебниках истории — стражи порядка, чья задача была выжигать любую магическую аномалию на корню.

— Комендантский час, — один из них, с глубоким шрамом через всю щеку, сделал шаг вперед, положив руку на рукоять меча. — В такое время здесь ходят либо воры, либо те, кому есть что скрывать. Сними капюшон.

Я стояла неподвижно. Внутри меня, в той самой бездне, которую я приручила, поднялась волна. Она не была яростной — она была ледяной и спокойной. Магия почувствовала угрозу, исходящую от этих людей, и теперь она требовала разрешения на расправу. Она шептала мне, что их жизни — лишь искры, которые можно погасить одним движением пальца.

— Я сказал, сними капюшон, — повторил солдат, и его товарищи рассредоточились, перекрывая выходы. — Ты что, оглохла? Или у тебя в голове пусто, как в этом переулке?

Я медленно подняла голову. Капюшон соскользнул, открывая лицо, на котором не было ни страха, ни мольбы. Мои глаза, всё ещё хранящие отблеск того болезненно-белого света, встретились с взглядом солдата. Я видела, как он вздрогнул, как его рука на мече задрожала. Он не понимал, что видит, но его животное чутье уже кричало ему: беги.

— Вы уверены, что хотите, чтобы я это сделала? — мой голос прозвучал тихо, но он пронёсся по переулку, как холодный сквозняк, заставляя пламя факелов на стенах на мгновение посинеть и погаснуть.

Солдат сжал зубы, пытаясь подавить охвативший его ужас.

— Взять её, — скомандовал он, хотя в его голосе уже не было прежней уверенности.

Они бросились вперед, обнажив клинки. В этот момент время для меня замедлилось. Я видела, как капли дождя зависли в воздухе, как исказились лица моих преследователей в предвкушении легкой добычи. Я не хотела ранить их, ведь они просто выполняют свой долг — как и Эш, тогда в детстве....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.